

DOI: 10.31857/S032103910005036-2

ЦАРИ И «ЦАРИ»: ВЛАСТЬ ИНДИВИДА И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БРИТАНИИ РУБЕЖА ЭР

А. Е. Барышников

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

История Британии I в. до н.э. — I в. н.э. представляет собой период масштабных перемен, затронувших все сферы жизни островных сообществ. В политическом смысле это время развития феномена индивидуальной власти (прежде всего царской), эволюции форм политической организации, появления царств и династий. В данной статье рассматриваются проблемы, возникающие при попытках реконструкции политической истории острова рубежа эр, обсуждаются возможные перспективы и направления дальнейших исследований. Особое внимание уделяется терминологии, используемой античными авторами и современными исследователями для обозначения индивидов, сосредоточивших в своих руках большой объем власти в бриттских сообществах.

Ключевые слова: цари, царская власть, римская Британия, поздний железный век Британии

KINGS AND “KINGS”: PERSONAL POWER AND PROBLEMS IN THE RECONSTRUCTION OF THE POLITICAL HISTORY OF PRE-ROMAN BRITAIN

Anton Ye. Baryshnikov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

Данные об авторе. Антон Ералыевич Барышников — кандидат исторических наук, приглашенный исследователь Лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий РГГУ.

Работа подготовлена в рамках научной стажировки по программе «Карамзинские стипендии–2018», организованной ШАГИ РАНХиГС и Фондом Михаила Прохорова.

Late Pre-Roman Iron age and early Roman period of British history were the time of significant change almost in every aspect of local communities' life. In political sphere, this was the time of the rise of personal power (above all, the power of "kings"), the development of political organization, the emergence of "kingdoms" and "dynasties". The paper considers problems of reconstructing the political history of this period, discusses the perspectives and some new directions of research. Special attention is paid to the question of terminology used by ancient writers and modern scholars to denote powerful individuals in the British communities of the first cent. BC — first cent. AD.

Keywords: Late Iron Age Britain, kingship, kings, Roman Britain

Канун римского завоевания (I в. до н.э. — I в.н.э.) представляет собой важнейший период в древней истории Британии, который во многом предопределил ее развитие на несколько столетий. Двести лет оказались связаны с большими переменами, затронувшими самые разные сферы жизни бриттских сообществ. Это время, когда Британия перестала быть «невидимой»: именно с I в. до н.э. остров и его обитатели появляются в письменных источниках. Качество и количество имеющихся в нашем распоряжении данных (сообщений античной традиции, археологических и нумизматических свидетельств) позволяют не только реконструировать отдельные аспекты политической, социально-экономической и культурной истории доримской Британии, но и создавать довольно масштабные нарративы¹, что невозможно в случае с более ранними историческими периодами (будь то III в. до н.э. или II тыс. до н.э.). Едва ли не главное место в подобных нарративах занимают реконструкции политической истории острова, возникновения и эволюции власти царей, появления царств и усложнения форм социально-политической организации островных сообществ. В ходе политического развития региона в доримскую эпоху сложились важнейшие факторы, предопределившие ход и характер социально-экономических, культурных трансформаций в римское время — к примеру, рассмотрение процесса урбанизации невозможно без учета последствий правления последних бриттских царей и взаимодействия местных элит с Римом. Все это заставляет исследователей снова и снова обращаться к анализу и реконструкции различных аспектов политической истории древнейшей Британии. Данная статья представляет собой попытку определить специфику и характерные особенности феномена индивидуальной власти на острове, а также наметить возможные пути дальнейшей работы.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВ И ДИНАСТИЙ

Во множестве предложенных реконструкций политической истории доримской и раннеримской Британии можно выделить общие положения, которые успели стать привычными и, как кажется, устраивают подавляющее большинство исследователей². Канонический нарратив хронологически

¹ Hill 1995; 2007; Haselgrove 1987; 2004; Haselgrove, Moore 2007; Champion 2016; Cunliffe 2012, 291–356.

² Отметим наиболее важные из них: Van Arsdell 1989 (с особым вниманием к нумизматическим источникам); Braund 1996, 41–155; Creighton 2000; 2009; Mattingly 2006, 47–84; 2011, 75–93; Hoffmann 2013, 14–105. Реконструкция, предлагаемая в книге Н.С. Широковой, основанной на ранее опубликованных автором статьях, построена на сообщениях античной традиции, нумизматические же и археологические источники учитываются не в полной мере (Shirokova 2016, 11–121).

и содержательно включает три основные части: события, связанные с походами Цезаря 55–54 гг. до н.э.; развитие бриттских царств между 54 г. до н.э. и 43 г.н.э.; история противостояния и взаимодействия Рима и бриттов во время постепенного включения острова в состав империи (43–84 гг.н.э.).

Экспедиции Цезаря в Британию по праву рассматриваются как отправная точка для любого рассказа о древнейшей политической истории острова³. Именно благодаря их описанию в распоряжении исследователей оказались первые письменные сведения о политической жизни бриттских племен. В этом отношении более информативен рассказ Цезаря о втором походе (54 г. до н.э.), поскольку здесь, в отличие от отчета о первой экспедиции, вместо обобщенных «бриттов» появляются конкретные племена, противостоявшие Риму, но покорившиеся и давшие Цезарю заложников (Caes. *BG.* V. 21. 1), а также их вожди — Кассивеллаун, узурпировавший власть над триновантами и избранный бриттами в качестве предводителя в борьбе с Римом (V. 11. 8; 20. 1–2), цари Кантия (Кингеториг, Карвийлий, Таксимагул, Сеговак) и знатный бритт Луториг, попавший в плен во время сражения у римского лагеря в Кантии (V. 22. 1–2).

Первая встреча Рима и бриттских сообществ оказалась кратковременной, но оказала большое влияние на развитие острова, став катализатором перемен во всех сферах жизни. Именно после двух походов Цезаря формируются этнополитические образования, в современной историографии обычно обозначаемые термином «царство»⁴. Наиболее известны из них Восточное и Южное царства, судьбы которых и составляют обычно основу рассказа о доримской Британии.

Возникновение Южного царства связывается с именем Коммия, одного из царей галльского племени атребатов, друга и союзника Цезаря. Коммий, который пользовался влиянием среди бриттских племен (Caes. *BG.* IV. 21. 7), принимал участие в первой британской экспедиции, пусть и не слишком удачно: со своей миссией склонить бриттские племена на сторону римского полководца он не справился (IV. 27. 2). Во втором походе Коммий снова выступил в роли посредника между Цезарем и его противниками, приняв участие в итоговых переговорах с Кассивеллауном (V. 22. 3). После начала восстания Верцингеторига лояльность Цезарю и Риму оказались забыты, и Коммий вместе с атребатами примкнул к восставшим. Он был одним из предводителей сил, выступивших к Алезии (VII. 76. 1). После поражения Верцингеторига Коммий объединился с Корреем и белловаками, а когда те были разгромлены, пытался найти убежище у германцев ([Caes.] *BG.* VIII. 21. 1). Поиски новых союзников в Галлии едва не закончились для Коммия трагически: сначала он с трудом избежал гибели в результате покушения, а потом был вынужден спасаться бегством во время рейда Волузена Квадрата, организованного по приказу М. Антония (VIII. 23. 2–3, 47. 1–2, 48. 2–8).

Дальнейшая история Коммия по-разному описывается Гирцием и Фронтином. В изложении первого Коммий, выжив в столкновении с людьми Волузена, решил прекратить сопротивление, обратился к Антонию (и, видимо, через него — к Цезарю) и, дав заложников, «обещался быть там, где ему будет

³ Creighton 2000, 56–59; Mattingly 2006, 67; Hoffmann 2013, 14–34.

⁴ Реже используется понятие «династия» (e.g., Creighton 2009, 364–365), хотя оно, возможно, является более точным. См. также заключительный раздел данной статьи.

предписано» (пер. М.М. Покровского)⁵. Из контекста кажется, что это своеобразное «примирение» состоялось, когда Коммий находился в Галлии (во всяком случае Гирций никак не отмечает связь властителя атребатов с Британией). В рассказе Фронтинуса все обстоит несколько иначе. Здесь Коммий, потерпев поражение от римлян, сбежал в Британию, сумев запутать преследующего его Цезаря; ни рейд Волузена, ни последующее общение с Антонием не упоминаются (*Front. Strat.* II. 13. 11). Подобное расхождение в сообщениях античных авторов неизбежно порождает многообразие интерпретаций.

Дж. Крайтон, в целом отдавая предпочтение свидетельству Гирция, высказывает осторожное предположение, что Коммий не сбежал от преследования римлян, но был помилован и поставлен правителем на юге Британии⁶. Это предположение позволяет связать сообщения античных авторов и данные нумизматики, которые фиксируют появление в середине I в. до н.э. на юге острова (территориях современных графств Сассекс, Суррей, Хэмпшир) нескольких монетных серий с именем Коммия⁷.

Каждый из последующих правителей юга — Тинкомар⁸, Эпилл и Верика⁹ — добавлял аббревиатуру F(ilius) COM в монетные легенды, провозглашая себя «сыном» Коммия. Степень их реального родства остается неясной, поскольку время правления Эпилла и Верики с пребыванием Коммия в Британии разделяет без малого полвека. Скорее всего это было указание на действительную (или декларируемую) принадлежность к определенной династии или семье, имеющей в глазах бриттского окружения право на власть. Последнее представляется особенно важным, поскольку имеющиеся свидетельства заставляют думать, что положение правителя было непрочным и власть его регулярно оспаривалась претендентами как на юге, так и на востоке острова. Так, наследовавший Коммию Тинкомар упоминается в «Деяниях божественного Августа» как один из бриттских правителей, нашедших защиту у принцепса (*RGDA.* 32. 1): по-видимому, удача отвернулась от него, и он, проиграв борьбу за власть, вынужден был покинуть свои владения. Ареалы распространения

⁵ [Caes.] *BG.* VIII. 48. 8: *Commius autem sive expiato suo dolore sive magna parte amissa suorum legatos ad Antonium mittit seque et ibi futurum, ubi praescripserit, et ea facturum, quae imperarit, obsidibus firmat.*

⁶ Creighton 2000, 64. Дж. Крайтон замечает, что оставлять Коммия в Галлии было невозможно ввиду его потенциальной опасности, в то время как сделать его царем племен юга Британии было бы логичнее и безопаснее. Стоит подчеркнуть, что понимание сообщений традиции усложняется тем, что мы не знаем ничего конкретного о связях атребатов континента и атребатов Британии. Это могли быть части общего племенного союза с относительно единой аристократией (и тогда ситуация, в которой «беженец» занимает высокое место в социальной иерархии принявшего его сообщества, не выглядит совсем невероятной). Впрочем, британские и галльские атребаты могли быть отдельными племенами, некогда составлявшими одно целое и сохранившими лишь общее название (в таком случае трудно объяснить, как беглый царь смог быстро стать правителем новых земель).

⁷ Creighton 2000, 64–65, fig. 3. 1, 8.

⁸ Традиционно его имя, на монетах обозначаемое чаще всего сокращением TINCOM, восстанавливалось как Тинкоммий, но после обнаружения в 1996 г. клада из 256 монет в местечке Элтон (графство Хэмпшир) выяснилось, что имя преемника Коммия было Тинкомар (Cheesman 1998, 309, n. 54; также см. Creighton 2009, 370).

⁹ Схожую ситуацию мы наблюдаем и в случае с восточной династией; см. Creighton 2000, 170–172.

и хронология монет позволяют многим исследователям говорить о противостоянии Верики и Эпилла, в результате чего последний был вытеснен в Кантий¹⁰. Наконец, как сообщает Дион Кассий (LX. 19. 1), сам Верика из-за неких волнений в своем царстве искал убежища и помощи у Клавдия.

Начало истории Восточного царства, занимавшего изначально территории катувеллаунов и триновантов¹¹ (тринобанты у Тацита; современные графства Хартфордшир и Эссекс), ознаменовалось междоусобной борьбой, а также дипломатическим вмешательством Цезаря. Царь триновантов был убит Кассивеллауном, который узурпировал власть и изгнал законного наследника, Мандубракия. Как сообщает сам Цезарь в описании событий 54 г. до н.э., тринованты обратились к нему за помощью и попросили восстановить справедливость¹². Одержав победу над Кассивеллауном и бриттами, Цезарь передал отцовский престол Мандубракию (Caes. BG. V. 20. 1–3; 22. 5). Свидетельства Цезаря оставляют много вопросов, но, к сожалению, в отличие от истории Коммия имеющийся рассказ о Кассивеллауне и Мандубракии невозможно ни дополнить, ни подтвердить, ни опровергнуть с помощью нумизматических источников. На монетах второй половины I в. до н.э. мы не встречаем их имен, как и указаний на какую-либо связь с событиями второй экспедиции Цезаря. Лишь в последней четверти I в. до н.э. власть в этих краях сосредотачивается в руках некоего Тасциована, который, подобно Коммию, основал династию. Его преемником стал Кунобелин, с правлением которого связана экспансия Восточного царства на юг¹³. Весьма вероятно, что возвышению Кунобелина предшествовала борьба с другими претендентами. Ранний этап чеканки восточным царем совпадает с распространением монет, легенды которых содержат сокращенные версии других имен — SEGO, RUIIS, DIAS. С Восточным царством были связаны также Аддедомар и Дубновеллаун, чеканившие свои монеты еще при Тасциоване и, по-видимому, подчинявшиеся ему¹⁴. Так или иначе, однажды взяв власть на востоке, Кунобелин не выпускал ее из рук вплоть до самой смерти.

Особого внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях южной и восточной династий. Чаще всего ее рассматривают как борьбу за гегемонию, следы которой можно увидеть в изменениях легенд монет и ареалов их распространения. Согласно такой трактовке в противостоянии Юга и Востока последний постепенно одерживал верх и к концу царствования Кунобелина распространил власть на племена Кантия и территорию вокруг Каллевы (совр. Силчестер). Даже смерть Кунобелина не ослабила давления Востока на Юг: возможно, что оно и стало причиной внутренних неурядиц, из-за

¹⁰ Creighton 2000, 78, 171.

¹¹ Отличить катувеллаунов и триновантов по археологическим материалам не представляется возможным; это могли быть и две части одного племени (см. Pitts, Perring 2006, 200).

¹² Рассказ Цезаря оставляет много вопросов, а потому может рассматриваться лишь как весьма субъективный взгляд на происходившие у триновантов события.

¹³ Creighton 2000, 78; Mattingly 2006, 73; Van Arsdell 1989, 22–23.

¹⁴ Дубновеллаун (Думнобеллаун) может быть вторым британским правителем, упоминаемым в «Деяниях...» Августа. Однозначную идентификацию делает невозможной наличие еще одного Дубновеллауна, чеканившего монеты на территории Кантия (графство Кент). Какой из двух Дубновеллаунов бежал с острова под защиту Рима, непонятно (см. Creighton 2000, 75, 78; Van Arsdell 1989, 21).

которых последний из «сыновей» Коммия, Верика, бежал через пролив, чтобы просить Рим о помощи.

Но, как показывает Дж. Крайтон, возможен и другой подход. Отправной точкой его будет не тезис о том, что история британских царств между Цезарем и Клавдием представляет собой историю постоянного противоборства, а замечание Диодора Сицилийского (V. 21. 5), что многочисленные правители Британии живут между собой в мире. По мысли Крайтона, династии Коммия и Тасциована были тесно связаны, в том числе и семейными узами, что позволяло им спокойно сосуществовать по крайней мере значительную часть рассматриваемого периода. Конечно, противоречия внутри бриттской элиты существовали, временами выливаясь в открытые конфликты между различными правителями и претендентами на власть, но они могли иметь прежде всего внутридинастический характер. Подобное случилось на востоке в конце правления Кунобелина, когда на континент сначала бежал Аммин¹⁵, один из его сыновей; похожая трактовка представляется основной и в случае с бегством Верики (Suet. *Cal.* 43. 2; Dio Cass. LX. 19. 1)¹⁶.

Вполне вероятно, что истина находится посередине: периоды мирного существования царств и династических союзов сменялись открытыми конфликтами и набегами, в которых удачливее оказались восточные правители.

Важной особенностью, характерной для развития как восточной, так и южной династий, являлась их тесная связь с Римом и принцепсом, ключевую роль в формировании и укреплении которой сыграл институт заложенничества. Нумизматические источники позволяют с большой уверенностью полагать, что многие правители доримской Британии получили римское воспитание и были действительно хорошо знакомы с римской политической культурой. Страбон сообщает, что некоторые правители острова — весьма вероятно, представители и восточной, и южной династий — признали власть Рима и заключили договор о дружбе с Августом, став таким образом клиентами империи (Strab. IV. 5. 3)¹⁷. Как и в случае с другими регионами ойкумены, Рим и принцепс покровительствовали лояльным бриттским правителям, могли выступать арбитрами в междинастических и внутридинастических спорах, предоставляли убежище знатным изгнанникам.

Процесс присоединения Британии, начавшийся в 43 г. и закончившийся в 80-х годах, стал логическим продолжением как внутривосточного развития бриттских сообществ, так и их взаимоотношений с Римом. По существу, он состоял из ряда военных операций против некоторых враждебно настроенных правителей (Каратак, Тогодумн при Клавдии; Боудикка и Венуций при

¹⁵ Другой вариант имени — Админий. Мы придерживаемся прочтения, предложенного в статье М. Хенига и Д. Нэша (Henig, Nash 1982, 245–246).

¹⁶ Creighton 2000, 216; с ним соглашается Д. Мэттингли (Mattingly 2011, 84). У некоторых исторических лиц, известных нам по нумизматическим источникам, кардинальным образом меняется карьера в зависимости от того, какой модели междинастических отношений, агрессивной или мирной, придерживаются исследователи. Например, Эппатик, судя по нумизматическим данным, правивший в районе Каллевы, может быть как представителем восточной династии и ставленником Кунобелина, так и посредником между восточной и южной династиями, само появление которого могло быть результатом междинастического союза (Fulford 1993, 19; Creighton 2006, 64).

¹⁷ О сущности таких взаимоотношений см. Braund 1984, 23–37; применительно к британскому материалу — Creighton 2009, 362–364; Mattingly 2011, 76–80.

Нероне и Веспасиане) и местных племен, отказывавшихся подчиниться римской власти. Цари и знать, успевшие продемонстрировать лояльность Риму, сохраняли или даже расширяли свою власть (подобно Тогидубну, Прасутагу и Картимандуе).

Подобный нарратив, столь часто воспроизводимый в работах по истории доримской и ранней римской Британии, вызывает немало вопросов. В первую очередь в глаза бросается особое внимание к юго-восточным областям острова. Правители и этнополитические образования других регионов — конфедерация бригантов, племенные союзы ицен и добуннов — появляются в этой реконструкции лишь после 43 г.¹⁸ Данная диспропорция во многом обусловлена спецификой источников: античные авторы обращают внимание на центральную и северную Англию только после вторжения Клавдия, в то время как имеющиеся нумизматические материалы не позволяют сколь-нибудь уверенно реконструировать политическую историю этих областей. Вторым уязвимым местом оказывается хронологическая ограниченность наших представлений о политическом развитии бриттских сообществ. Нетрудно заметить, что из-за ограниченности источниковой базы исследователи вынуждены рассматривать его в тесной связи с римско-британскими взаимоотношениями. Из-за этого всякий рассказ о политической истории древнейшей Британии начинают с Цезаря, который, походя упоминая убийство отца Мандубракия (и даже не называя его имени), показывает, что политическая история бриттских сообществ начинается до появления у берегов Альбиона римских легионов. Наконец, при ближайшем рассмотрении многие положения традиционного нарратива оказываются не столь однозначными, какими представляются из-за частых повторений в научной литературе. Помимо уже упоминавшихся (и ключевых для существующего нарратива) гипотез о противостоянии/взаимодействии Восточного и Южного царств, об институте заложников как фундаменте отношений с Римом, можно вспомнить, что и некоторые фигуры политической жизни острова вызывают сомнения. Хрестоматийный пример такого рода — Тогидубн/Тогодумн. В зависимости от желания исследователя отождествить или разделить упоминаемых в античной традиции правителей он может оказаться как проримским правителем юга Британии, верным союзником Клавдия и Нерона, так и братом Каратака, который сначала сражался против Рима, а потом перешел на его сторону¹⁹. Отметим, что и другие фигуры могут вызывать не меньше сомнений. В конце концов, нет уверенности, что Коммий—основатель южной династии и Коммий-атребат из «Записок о Галльской войне» — одно и то же историческое лицо, а не родственники или тезки.

К сожалению, дальнейшие попытки исправить эти уязвимости, пересмотреть событийную канву политической истории Британии рубежа эр практически обречены на провал. Имеющиеся на данный момент в распоряжении исследователей источники не позволяют осуществить ревизию существующего нарратива, избежав при этом спекулятивных трактовок и создания квазиисторических рассказов. В такой ситуации нам представляется полезным отказаться от рассуждений о том, сколько было Тогидубнов или кем был дед

¹⁸ Хотя нельзя исключать, что ицены и упомянутые Цезарем кеномагны представляют собой одно и то же племя (Caes. *BG.* V. 21. 1).

¹⁹ О Тогидубне и дискуссии по поводу его судьбы см. Baryshnikov 2015, 38–48.

Мандубракия, если отец Мандубракия являлся царем. Вместо этого стоит обратить внимание на один из ключевых элементов политической жизни до-римской и раннеримской Британии и политической организации островных сообществ: феномен единоличной власти, самым заметным проявлением которого являются упоминаемые в античной традиции цари. Далее мы, опираясь на сообщения античной традиции, данные археологии и нумизматические свидетельства, попытаемся рассмотреть возможные новые методические подходы, необходимые для выявления характерных черт индивидуальной власти на острове, и понять, какое положение могли занимать те, кого источники называют царями, в системе властных отношений.

REGES, REGULI, DUCES, PRINCIPES:
АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ПРАВИТЕЛЯХ БРИТАНИИ

Нетрудно заметить, что существующие реконструкции политической истории острова I в. до н.э. — I в.н.э. строятся вокруг наиболее влиятельных и могущественных правителей бриттских сообществ, упоминаемых в античной традиции.

Свидетельства греческих и римских авторов о правителях Британии интересны, но требуют осторожности и критического подхода. В литературе уже не раз отмечались характерные черты этого типа источников: тенденциозность, стереотипность, романоцентризм и риторичность²⁰. Несмотря на эти особенности, сообщения античных авторов представляют собой несомненную ценность для изучения политий британского железного века. Даже субъективный римский взгляд на бриттское общество важен для понимания проблемы: не только в силу ограниченности источников, но и потому что он, несмотря на искажения, хронологически ближе наших построений к изучаемой реальности и может отражать определенные стороны исторической действительности. При этом важно смотреть не столько на то, что сообщают о правителях бриттов античные авторы, сколько на то, как они сообщают, какими словами характеризуют варварских лидеров.

Особое место среди источников занимают «Записки о Галльской войне» Цезаря как автора, имевшего опыт непосредственного общения с бриттами. В описании галльской кампании и двух экспедиций в Британию встречаются различные обозначения местных правителей²¹. Шесть раз Цезарь употребляет по отношению к ним слово “*rex*”. Четверо из этих царей — Кингеториг, Карвийлий, Таксимагул, Сеговак — правили в Кантии (Caes. *BG.* V. 22. 1). Имя царя триновантов, убитого Кассивеллауном, неизвестно (V. 20. 1). Шестой царь, связанный с Британией, — Коммий — изначально не имел царской власти на острове, но был (не без поддержки Цезаря) царем галльских атребатов (IV. 21. 6—7)²². Помимо царей Цезарь упоминает неких *principes* *Britanniae*, представителей местной знати, которые присутствовали в его лагере (IV. 30. 1). Наконец, характеристики *dux nobilis* удостоивается Луготориг, попавший в плен во время битвы с войском царей Кантия (V. 22. 2).

²⁰ Mattingly 2006, 36—37. Ср. Hurst 2016, 95—116. Чрезмерное влияние письменных источников на реконструкции древних и раннесредневековых обществ привело к появлению тезиса о “the tyranny of historical record” (Champion 1990, 90; Thurston 2002, 20).

²¹ Анализ фрагментов Цезаря, посвященных знатым галлам (и в меньшей степени германцам и бриттам): Barlow 1998. Также см. Rambaud 1966; Mutschler 1975, 147—198.

²² Barlow 1998, 147; Rambaud 1966, 78, 81, 95, 167, 195, 302, 327.

Самой удивительной и загадочной в повествовании Цезаря оказывается фигура Кассивеллауна, его главного противника в британских походах. Это правитель, власть и влияние которого очевидны: несмотря на предшествующие конфликты с соседними общинами, он избран командовать всеми силами бриттов, отдает приказания царям Кантия, управляет землями за Темзой (Caes. BG. V. 11. 8–9; 18. 1; 22. 1). Тем не менее Цезарь не использует в отношении него титула *rex*, равно как не причисляет его к *principes* и не называет *dux*, подобно Луготоригу²³. Интересно, что в более поздних произведениях титул и статус Кассивеллауна указываются. Вероятно, именно Кассивеллаун является тем самым «царем» в рассказе Плутарха, который дает Цезарю заложников²⁴. Дион Кассий (XL. 2. 3) называет его наиболее могущественным из династов острова.

Кем был Кассивеллаун и почему Цезарь, отмечая его роль в противостоянии, никак не обозначил титул и положение бриттского правителя? Пропагандистских оснований замалчивать царский статус противника у Цезаря не было. «Записки...» содержат упоминания множества правителей с титулом *rex*, которые как поддерживали Рим, так и выступали против него (иногда чередуя проримскую и антиримскую позиции)²⁵. В использовании царского титула не прослеживается системы, выстроенной по формально-идеологическому критерию: царями Цезарь называет как *rex*, кто получил власть от Рима (*rex socius et amicus*), так и просто единоличных правителей, добившихся власти своими силами и влиянием в общине²⁶. Рискнем предположить, что на характеристику Кассивеллауна могли повлиять два обстоятельства. Во-первых, он убил легитимного правителя триновантов и изгнал его сына, что дало Цезарю возможность изображать свои действия как борьбу за восстановление справедливости в общине триновантов; в таком случае Кассивеллаун узурпатор, и называть его царем решительно невозможно (Caes. BG. V. 20. 1). Во-вторых, Кассивеллаун мог не иметь постоянной власти в своей общине: возможно, он занимал какую-то магистратуру, подобно *vergobret* у эдуев (I. 16. 5). Цезарь мог не слишком интересоваться особенностями положения своего противника, ему было достаточно знать, что Кассивеллаун, не являясь царем, оказался выбран бриттами в качестве предводителя объединенных сил.

Безымянные правители Британии второй половины I в. до н.э. появляются в трудах двух греческих авторов — Диодора и Страбона, писавших несколько позже Цезаря. Упоминания эти кратки и не позволяют делать каких-либо далеко идущих выводов. Диодор отмечает, что на острове правят цари и династы²⁷. Взгляд Страбона кажется более скептическим: бриттских правителей

²³ Caes. BG. V. 11. 8: *eo cum venisset, maiores iam undique in eum locum copiae Britannorum convenerant summa imperi bellicae administrandi communi consilio permissa Cassivellauno*. См. Creighton 2000, 57; Braund 1996, 64; Rambaud 1966, 92, 100, 191.

²⁴ Plut. Caes. 23. 3: ἄλλ' ὁμήρου λαβὼν παρὰ τοῦ βασιλέως καὶ ταξάμενος φόρους ἀπῆρεν ἐκ τῆς νήσου.

²⁵ Полный список царей и аристократов, встречающихся в повествовании Цезаря, см. Barlow 1998, 159–164.

²⁶ Например, от Цезаря царскую власть получили Коммий и Каварин (BG. IV. 21. 7; V. 54. 2); самостоятельно к царской власти стремились, пусть и неудачно, Оргеториг и Кастик (I. 3. 1–3).

²⁷ Diod. V. 21. 6: βασιλεῖς δὲ καὶ δυνάστας πολλοὺς ἔχειν...

он определяет как династов²⁸ (в переводе Г.А. Стратановского — «племенные вожди»), не слишком могущественных правителей местного значения, что вполне вписывается в его общее изображение Британии как периферийной и слабо развитой территории²⁹.

Основные сведения о бриттских правителях I в.н.э. содержатся в сочинениях Тацита, Светония и Диона Кассия. Наибольшее значение здесь, конечно, имеют свидетельства Тацита. В «Агриколе», «Истории» и «Анналах» встречаются важнейшие действующие лица романо-британской истории начала тысячелетия: Каратак (Тас. *Ann.* XII. 33–36; 38. 1–2; 40. 2; *Hist.* III. 45), Когидумн/Тогидубн (*Agr.* 14. 2), Картимандуя и Венуций (*Ann.* XII. 36. 1; 40. 2–3; *Hist.* III. 45), Прасутаг и Боудикка (*Ann.* XIV. 31. 1–3; 35. 1; 37. 5; *Agr.* 16. 1), предводитель северных бриттских племен Калгак (*Agr.* 29. 4). Тацит, как представляется, более внимателен к характеристикам бриттских правителей, чем любой другой античный автор³⁰. Титулы *rex/regina* появляются прежде всего рядом с именами союзников Рима: Тогидубна, Прасутага, Картимандуи³¹. Противники Рима — Венуций и Калгак — несмотря на отмеченные достоинства (полководческий талант, доблесть, знатное происхождение), царями не называются³². Несколько сложнее ситуация с Боудиккой, за которой Тацит признает царское происхождение³³, и с Каратаком. Пока последний сражается против Рима, он просто Каратак, когда же он, оказавшись перед Клавдием, произносит патетическую речь и получает помилование, то оказывается царем³⁴.

Насколько отражают бриттскую действительность характеристики правителей, встречающиеся в сочинениях Тацита? Кажется, что наличие царского титула указывает не столько на реальную власть и силу лидера, сколько на то,

²⁸ См., например, Strabo IV. 5. 2: *δυναστεῖαι δ' εἰσὶ παρ' αὐτοῖς*; 5. 3: *νυνὶ μὲν τοὶ τῶν δυναστῶν τινες τῶν αὐτῶν πρεσβεύουσι καὶ θεραλείαις κατασκευασάμενοι τὴν πρὸς Καίσαρα τὸν Σεβαστὸν φιλίαν*.

²⁹ См. Braund 1996, 80–86. Представления Страбона о Британии вполне соответствуют общему образу, сложившемуся в античной литературе. О стереотипном восприятии Британии см. Stewart 1995, 1–10.

³⁰ Данное наблюдение, как кажется, может быть отнесено не только к бриттским правителям. Насколько Тацит может быть внимателен к формулировкам и аккуратен в конструировании собственной версии сюжетов из истории взаимоотношений Рима и царей-клиентов (с особым вниманием к фигуре Маробода в рассказах Тацита и Веллея), прекрасно показано в статье Э. Гоуинг (Going 1990, 315–331).

³¹ Тогидубн/Когидумн: *quaedam civitates Cogidumno regi donatae (is ad nostram usque memoriam fidissimus mansit)* (Тас. *Agr.* 14. 2); Прасутаг: *rex Icenorum Prasutagus, longa opulentia clarus* (*Ann.* XIV. 31. 1); Картимандуя: *cum fideм Cartimanduae reginae Brigantum petivisset... cum Cartimanduum reginam* (*Ann.* XII. 36. 1; 40. 2).

³² Венуций: *sed post captum Caratacum praecipuus scientia rei militaris Venutius, e Brigantum civitate* (*Ann.* XII. 40. 3); Калгак: *cum inter pluris duces virtute et genere praestans nomine Calgacus* (*Agr.* 29. 4).

³³ *Boudicca generis regii femina duce* (*Agr.* 16. 1).

³⁴ Тас. *Ann.* XII. 38. 1–2: *vocati posthac patres multa et magnifica super captivitate Carataci disseruere, neque minus id clarum quam quod Syphacem P. Scipio, Persen L. Paulus, et si qui alii vinctos reges populo Romano ostendere. censentur Ostorio triumphi insignia, prosperis ad id rebus eius, mox ambiguus, sive amoto Carataco, quasi debellatum foret, minus intenta apud nos militia fuit, sive hostes miseratione tanti regis acrius ad ultionem exarsere*.

кого Рим (и сам Тацит) считали и признавали царями³⁵. Каратак, начавший чеканить собственную монету незадолго до вторжения; Калгак, взявший на себя командование соединенными силами северных племен; Венуций, заручившийся поддержкой части бригантов и изгнавший свою супругу; Боудикка, разорившая половину провинции, — все они обладали едва ли не большим влиянием и властью, чем Прасутаг или Тогидубн. Поэтому, обращаясь к свидетельствам Тацита, стоит помнить, что перед нами сугубо римский взгляд, отражающий лишь одну сторону феномена единоличной власти в Британии: связь правителей с Римом, признание их власти империей и использование царского титула. Бриттский взгляд на политическую реальность должен был несколько отличаться: в глазах местных племен Каратак, Калгак, Венуций и Боудикка могли считаться вполне легитимными правителями, царями и царицами независимо от того, как их называл Тацит.

Интересны также другие термины, которые употребляет Тацит по отношению к правителям Британских островов. В самой Британии, по словам историка, некогда правили цари, теперь же (судя по всему, после завоевания) бритты подчиняются *principes* (Тас. *Agr.* 12. 1). Кроме того, Агрикола предоставил убежище царьку (*regulus*) Гибернии, вынужденному бежать после переворота (*Agr.* 24. 3). Царьки Британии упоминаются и в связи с выкупом пленных римлян из армии Германика (*quidam in Britanniam rapti et remissi a regulis* — *Ann.* II. 24. 3). Наконец, в некоторых случаях бриттские предводители обозначены как *ductores* и *duces*³⁶.

Свидетельства Светония и Диона Кассия несколько дополняют картину, складывающуюся на основе сообщений Тацита. Так, оба автора называют имя Кунобелина, вероятно, наиболее могущественного царя острова доримского времени, и скорее всего клиента Рима³⁷. В рассказе о восстании Боудикки Дион придерживается в целом того же подхода, что и Тацит: предводительница восстания происходит из царского рода³⁸, но царицей называет лишь сама себя в речи, вдохновляющей бриттов на восстание против Рима³⁹.

К сожалению, не вполне ясно, насколько разнообразие терминов, используемых античными писателями в отношении бриттских правителей, отражает реально существовавшие различия в объеме власти и статусе индивидов.

³⁵ Эта стратегия, по нашим предварительным наблюдениям, прослеживается во всех сочинениях Тацита: царями он называет тех, кто лоялен Риму, кто связан с ним узами союза и дружбы, кто ориентируется на него или практически полностью подчиняется ему.

³⁶ Тас. *Ann.* XII. 34. 1: *ad hoc gentium ductores circumire hortari* (предводители племен из войска Каратака); *Agr.* 29. 4: *inter pluris duces* (вожди северных племен, избравшие предводителем Калгак).

³⁷ Suet. *Cal.* 44. 2: *nilil autem amplius quam Adminio Cynobellini Britannorum regis filio*; Dio Cass. LX. 20. 1: *ὁ οὖν Πλαύτιος πολλὰ μὲν πράγματα ἀναζητῶν σφας ἔσχεν, ἐπεὶ δὲ εὗρέ ποτε (ἦσαν δὲ οὐκ αὐτόνομοι ἀλλ' <ἄλλοι> ἄλλοις βασιλεῦσι προσεταγμένοι), πρῶτον μὲν Καράτακον ἔπειτα Τογόδουμνον, Κυνοβελλίνου παῖδας.*

³⁸ Dio Cass. LXII. 2. 2: *ἡ δὲ μάλιστα αὐτοὺς ἐρεθίσασα καὶ ἐναντία Ῥωμαίων πολεμεῖν ἀναπεύσασα, τῆς τε προστατείας αὐτῶν ἄξιωθεῖσα καὶ τοῦ πολέμου παντὸς στρατηγήσασα, Βουδούικα ἦν, γυνὴ Βρεττανίς γένους τοῦ βασιλείου...*

³⁹ Dio Cass. LXII. 6. 4: *τοιούτων οὖν ἀνδρῶν καὶ τοιούτων γυναικῶν βασιλεύουσα προσεύχομαι τέ σοι καὶ αἰτῶ νίκην καὶ σωτηρίαν καὶ ἐλευθερίαν κατ' ἀνδρῶν ὑβριστῶν ἀδίκων ἀπλήστων ἀνοσίγων...*

Обладал ли гех большими возможностями и авторитетом, чем *princes* или *dux*? Или же выбор термина в большей степени зависел от политического контекста, внутренних установок авторов (и их источников) и отражал специфическое понимание конкретным автором британской действительности, но не ее саму (она могла быть как проще, так и сложнее)?⁴⁰

Второй вариант нам представляется более точным. Кроме того, он заставляет обратить внимание на одну важную проблему, связанную с использованием в новейших исследованиях политических аспектов жизни древнейшей Британии. Преломление образа бриттских сообществ и политических структур в глазах (и, соответственно, текстах) античных авторов усложняется в процессе дальнейшего перевода и применения греко-римской терминологии в исследовательской литературе. Наиболее ярким примером здесь может служить термин “гех”, переводимый обычно как ‘king’, или ‘царь’⁴¹. И тот, и другой варианты перевода могут невольно исказить наше понимание феномена индивидуальной власти в доримской Британии, ставя бриттских правителей в один ряд с позднейшими монархами, обладавшими действительно царским могуществом. Более того, необходимо помнить, что положение бриттских «царей» представляется значительно менее «царским», чем у их современников на Востоке, — этим, видимо, объясняется нежелание Страбона называть знатных бриттов царями.

Не меньше сложностей вызывает термин “*principes*”. В англоязычных исследованиях он чаще всего переводится словом ‘chieftains’ или греческим синонимом ‘dynasts’ (реже — ‘potentates’ или ‘leading men’). В русскоязычной литературе переводят также по-разному: в переводе Цезаря, выполненном М.М. Покровским, *principes* превратились в «князей», в переводе «Агриколы», осуществленном А.С. Бобовичем, они обозначены как «вожди»⁴². Вариативность переводов здесь вызвана размытостью значения исходного слова. Кого именно античные авторы означали выражением *principes Britanniae* — мелких правителей, потомственную аристократию в целом или какие-то еще социальные группы, воинскую и жреческую верхушку общин, — понять сложно, ясно лишь, что они принадлежали к высшим слоям бриттских обществ.

⁴⁰ Стоит, конечно, помнить об объективных причинах, из-за которых приведенные здесь наблюдения могут быть поставлены под сомнение. К несчастью, главы «Анналов», где должны были описываться события завоевания Британии, не сохранились, поэтому мы не можем с полной уверенностью утверждать, что Тацит в принципе не признавал за противниками Рима царского титула. То же соображение следует высказать по поводу описания восстания Боудикки у Диона Кассия, которое сохранилось лишь в эпитоме (что, безусловно, могло привести к искажению терминологических особенностей оригинала).

⁴¹ В переводе «Истории» Г.С. Кнабе встречается даже термин «король». Так обозначены правители свебов, Сидон и Италик: «Повстанцам удалось привлечь на свою сторону королей свебов Сидона и Италика» (Тас. *Hist.* III. 5. 1: *trahuntur in partis Sido atque Italicus reges Sueborum*).

⁴² Несмотря на то что для нас термин «князь» применительно к истории доримской Британии звучит несколько непривычно, возможно, он более точно отражает положение *princes* в бриттских сообществах. См. также заключительный раздел данной статьи о сравнительно-исторической перспективе исследования Британии позднего железного века.

Указанные трудности перевода лишь на первый взгляд могут показаться незначительными. В ситуации, когда сущность феномена единоличной власти неясна, когда о правителях Британии можно судить лишь со слов авторов, принадлежащих к другой культуре, аккуратность в выборе терминов становится особенно важной. С легкостью используя привычные и понятные слова, мы вслед за греками и римлянами можем исказить исследуемую действительность⁴³. В этом смысле возможным выходом выглядит как применение кавычек для подчеркивания условности употребляемого термина, так и использование нейтральных выражений, не отягощенных грузом невольных ассоциаций и аналогий, — «правитель», «лидер». Впрочем, в ряде случаев (прежде всего когда речь идет о правителях, получивших формальное признание со стороны Рима) употребление термина “rex” следует признать уместным. Тем более что, как мы увидим далее на нумизматическом материале, для некоторых из них этот титул был частью публичной самопрезентации⁴⁴.

«ЦАРИ» И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: МОНЕТЫ, ORPIDA И ПОГРЕБЕНИЯ

Среди материальных свидетельств, связанных с правителями доримской Британии, особое место стоит отвести монетам, которые чеканились на острове еще до экспедиций Цезаря⁴⁵. Через некоторое время после прямого столкновения с Римом, вероятно, под влиянием внешних факторов с монетами происходит важное изменение: на них появляются надписи⁴⁶. Большинство из них составляют личные имена (или части имен) правителей разных областей острова⁴⁷. Сам факт появления подобных надписей указывает на существование множества индивидов, имевших достаточно богатств и амбиций, чтобы выражать свою власть и влияние по-новому.

Как уже говорилось выше, на юго-востоке острова имена таких правителей иногда дополняются сокращением F(ilio), указанием на родственную

⁴³ Ср.: «Цари в кельтском мире имели мало общего не только с социальным, институциональным и политическим изображением европейских монархов средневековья и нашего времени, но и с моделями эллинистических правителей и римских императоров» (García Quintela 2005, 518). Также см. Thurston 2010, 234.

⁴⁴ Вероятно, самый поздний пример подобной самопрезентации нашел отражение не в нумизматике, а в эпиграфике. Речь идет о надписи из римского Чичестера с упоминанием царя Тогидубна — того самого, что фигурирует в «Агриколе» под именем Когидумна (*RIB*. I. 91; *Tac. Agr.* 14. 2).

⁴⁵ Монетам доримской Британии посвящена обширная литература; отметим лишь несколько основных публикаций: Haselgrove 1987; Van Arsdell 1989. Детальный анализ иконографии, языка, политического значения и социального влияния монет южной и восточной династий содержится в уже неоднократно цитировавшейся монографии Дж. Крайтона (Creighton 2000). В последнее десятилетие наблюдается рост интереса к чеканкам регионов за пределами Восточного и Южного царств (ср. Talbot 2017). Несомненно, дальнейшее изучение периферийных нумизматических источников, как и находки нового монетного материала, помогут внести уточнения в имеющуюся картину.

⁴⁶ Creighton 2000, 146. О надписях и особенностях языка см. Mays 1992, 57–82; Williams 2001, 1–17.

⁴⁷ Мы насчитали 46 имен. Эту цифру следует считать примерной, поскольку некоторые надписи могут быть не именами, а чем-то иным (к примеру, указанием неизвестного нам титула). См., например, сомнения Д. Нэш-Бриггс по поводу трактовки *ESVPRASTO*- и *—PRASTO* (Nash Briggs 2011, 93–94).

(реальную или желаемую) связь с предшествовавшими правителями. Кроме того, на монетах могли появляться названия поселений, где, видимо, чеканилась монета (таких монетных дворов известно три: Камулудун, Верламион, Каллева), и титул *гех*⁴⁸. Четыре правителя Британии официально называли себя царями: Тасциован, Кунобелин из восточной династии, Эпилл, Верика — из южной. Использование титула недвусмысленно указывает на дипломатические отношения с Римом, признание со стороны имперских властей и статус *гех socius et amicus*.

Сам факт появления римского понятия в британском контексте показателен: можно утверждать, что часть правителей острова действительно позиционировала себя как *reges*. Тем не менее возникает несколько вопросов. Насколько важной частью публичной самопрезентации был отчеканенный на монете титул? Как часто британские правители использовали их в своей чеканке?

Подсчеты Дж. Крайтона показывают, что большинством правителей титул *гех* использовался редко. Чаще всего он встречается на монетах Верики (19% от общего числа), реже у Тасциована (8%), Эпилла (4%) и Кунобелина (1%)⁴⁹. Такая пропорция создает впечатление, что для большинства правителей употребление титула было менее важным и актуальным, чем встречающиеся чаще указания династической принадлежности или монетного двора⁵⁰. Вероятнее всего, Крайтон прав, объясняя сложившуюся ситуацию тем, что титул не был слишком важен для тех, кем правили «цари»⁵¹. Круг людей, понимавших значение и смысловые оттенки термина “*гех*”, был весьма ограниченным: к их числу могли относиться некоторые представители местной элиты, наемники, торговцы и ремесленники с континента. Важнейшие основания власти британских *reges* должны были корениться в местных традициях и социальных отношениях, а не в формальном одобрении со стороны Рима.

Еще одну группу материальных свидетельств, связанных с феноменом единоличной власти, составляют погребения местной элиты⁵². Среди них в первую очередь выделяются погребения в Лексдене, Стэнвее и Фолли Лэйн⁵³. Богатый инвентарь, включающий предметы импорта, масштабы, пространственное

⁴⁸ Помимо латинского слова использовались (реже) также его кельтизированные варианты — *rig*, *ricon(i)*. Creighton 2000, 169; Braund 1996, 71.

⁴⁹ Creighton 2000, 170, tab. 6. 1.

⁵⁰ Крайтон отмечает, что указания на монетный двор практически никогда не встречаются вместе с декларацией династической принадлежности и титулом *гех*. На основе анализа распространения монет Кунобелина и Тасциована он предполагает, что выбор монетных легенд отражал различные способы легитимации власти. Так, в районе Камулодуна, в самом сердце его владений Кунобелину не было нужды указывать на династическую связь с Тасциованом; в районе Верламиона — центра, на который когда-то опирался Тасциован, — ситуация была принципиально иной: здесь нужно было подчеркнуть свою принадлежность к семье бывшего правителя восточной династии (Creighton 2000, 172–173).

⁵¹ Creighton 2000, 170.

⁵² Niblett 2004; Harding 2016, 127–162.

⁵³ Foster 1986; Niblett 1999; Crummy *et al.* 2007. Отметим, что погребение в Фолли Лэйн может быть датировано как доримским, так и раннеримским периодом (см. Creighton 2001, 402). В последнем случае погребенный в Фолли Лэйн аристократ мог быть не связан с местной знатью, а представлял расположенный в римском Верулами (доримский Верламион) гарнизон. Эту точку зрения обосновывает М. Питтс (Pitts 2014, 160–161).

расположение и сложность погребальных обрядов (особенно в случае с Фолли Лэйн) указывают на высокий социальный статус покойных. Гипотетически эти погребальные комплексы можно связать с восточной династией и различными ее ветвями; вполне возможно, что здесь погребены родственники Тасциована и Кунобелина, хотя никаких прямых аргументов в пользу подобных гипотез, конечно, не существует⁵⁴. Появление подобных комплексов вкупе с распространением богатых кремационных погребений, начавшимся на юго-востоке несколько раньше, подтверждают выделение в местных сообществах элитных групп, которые сосредоточили в своих руках значительную часть богатств и власти⁵⁵.

Наконец, с «царями» и появлением династий многие исследователи связывают развитие поселений, возникших после 20/10 гг. до н.э. и традиционно обозначаемых в историографии как *territorial oppida*⁵⁶. Важнейшие из них располагались в районе Сент-Олбанса (доримский Верламион), Колчестера (Камулодун), Бэгендона, Чичестера, Фишборна, Силчестера (Каллева) и Стэнвика⁵⁷. Занимавшие большие площади, границы которых были обозначены рвами и валами, обладавшие сложным внутренним устройством, включающим отдельные строения, огороженные участки, погребения, *oppida* серьезно отличались от городских поселений континента, но при этом играли важную роль центров ремесла и узловых пунктов в системе торговли с континентом. Их связь с правителями Британии очевидна, но не слишком понятна. *Oppida*, вероятно, были ставками, опорными пунктами *reges* и других представителей знати, местами их относительно постоянного пребывания, центрами, реально и символически объединявшими подчиненные династическим элитам области. Не вполне ясно, представляли ли собой обитатели подобных центров самостоятельное сообщество, которое могло выступать как политический субъект (на это может указывать появление названий городов на монетах «царей») или же являли собой разросшийся царский двор, включавший знать, ее клиентов, наемников, торговцев и ремесленников, решивших обосноваться поближе к источнику власти и денег. Нам ближе первая гипотеза, но ни подтвердить, ни опровергнуть ее на основании имеющихся данных невозможно.

Монеты, богатые погребения и *oppida* показывают, что развитие феномена единоличной власти было неотъемлемой частью общего процесса

⁵⁴ Связь погребений с правителями Британии предполагает Дж. Крайтон, с ним склонны согласиться Э. Фитцпатрик и Д. Хардинг (Creighton 2006, 135; Fitzpatrick 2007, 123–142; Harding 2016, 154); о связи бриттского храмового комплекса на острове Хэйлинг с культом Коммия—основателя династии см. Creighton 2000, 192; 2006, 45.

⁵⁵ Об этих погребениях, традиционно обозначаемых в историографии как “*Welwyn-type burials*”, и их распространенности в доримской Британии см. Stead 1967; Niblett 2004, 31–32; Hill 2007, 30; Fitzpatrick 2007, 130.

⁵⁶ Дж.Д. Хилл полагает, что как минимум некоторые из этих поселений точнее было бы называть *royal sites*, а не *oppida* (см. Hill 2007, 32). О связи *oppida* и династий юго-востока см. Pitts 2010.

⁵⁷ Список с необходимыми ссылками см. Pitts 2010, 36, tab. 1. К указанным Мартином Питтсом публикациям стоит добавить недавно вышедшую книгу, суммирующую результаты исследований «царской» резиденции в Стэнвике, статью Т. Мура и диссертацию Н. Гарланда (Haselgrove 2016; Moore 2017; Garland 2017). В целом, в литературе все большую популярность приобретает тезис, что термин “*oppida*” не вполне отражает сущностные характеристики этих поселений.

социокультурной трансформации Британии позднего железного века. Думается, правители, известные нам из античных произведений как *reges* и *principes*, занимали важное положение в менявшемся обществе, обладали властью и военной силой, постепенно концентрировали в своих руках богатства; некоторые из них чеканили монету, имели доступ (и обнаруживали некоторый вкус) к предметам континентального импорта и были связаны с галльскими обществами и империей сложной сетью культурных и политических контактов. При этом необходимо помнить, что известные нам «цари» юго-востока Британии представляют лишь верхушку айсберга: на острове было значительно больше правителей и лидеров разного масштаба. Увы, они в силу объективного состояния источников остаются в тени своих более удачливых современников.

ОТ ЦАРЕЙ К «ЦАРЯМ»? ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сочинения античных авторов и данные нумизматики не оставляют сомнений в существовании в Британии феномена единоличной власти, а бесспорный прогресс в археологическом изучении острова позднего железного века позволяет полнее реконструировать эволюцию единоличной власти и форм политической организации. Тем не менее многие вопросы, касающиеся как событийной истории периода *reges* и *principes*, так и местной специфики феномена власти индивида, остаются непонятными и спорными. Можно сказать, что свою актуальность сохраняют слова, написанные Дэвидом Браундом 23 года назад: «У нас нет точных сведений о длительности “царствования” правителей, чьи имена появляются на монетах; кроме того, мы чаще всего пребываем в неведении относительно объема и сущности их власти»⁵⁸. Это, впрочем, не повод для отказа от дальнейшего изучения вопроса. Думается, что дальнейшие исследования проблемы власти «царей» могут вестись в нескольких направлениях.

Во-первых, понять развитие структур власти, «царств» и «династий» острова можно лишь в контексте анализа общих изменений, происходивших в данный период⁵⁹. Так, появление границ, отмечающих домохозяйства и поселения, изменения в организации пространства и появление признаков как личной, так и коллективной идентичности вкупе с отмеченной Э. Лэмбом тенденцией роста числа индивидуальных погребений подталкивают к смелому (и потому требующему осторожного отношения) предположению⁶⁰. Суть его в том, что выделение *reges* и *principes* в структуре властных отношений было не сугубо политическим процессом, но частью более общего, глубокого сдвига в общественном сознании и существовании, своеобразной «революции индивида», частью процесса индивидуализации жизни, который вел к появлению и усилению единоличной власти на самых разных уровнях: в домохозяйстве, деревне, общине, политической организации племени. Для подтверждения или опровержения этого тезиса необходимо рассмотреть Британию кануна римского завоевания в связи с предшествующими периодами,

⁵⁸ Braund 1996, 68.

⁵⁹ Краткий обзор новых воззрений на поздний железный век Британии и перемены, имевшие место в этот период, см. Haselgrove, Moore 2007, 1–15. См. также важную статью Г.М. Казакевича, посвященную переосмыслению свидетельств источников об элитах кельтских племен (Kazakevich 2018, 17–32).

⁶⁰ Haselgrove, Moore 2007, 8; Lamb 2016.

где, вероятно, могут брать начало многие тенденции позднейшего развития островных сообществ. Стоит помнить, что перемены в позднем железном веке начались не на пустом месте, «царствам» и «царям» Цезаря и Тацита предшествовали другие политии и правители.

Во-вторых, перспективным представляется обращение к сравнительно-историческим исследованиям. Важный шаг в этом направлении сделала специалист по железному веку Скандинавии Тина Тёрстон. Рассмотрев материалы доримской Италии, Галлии, Германии, Скандинавии, она попыталась определить сущность «царской» власти. По ее мнению, европейские общества железного века были скорее децентрализованными и власть в них не концентрировалась в руках немногих автократических правителей, а «была доступна представителям самых разных слоев»⁶¹. Для обществ железного века характерно гетерархическое устройство, в котором властью обладали не только представители общинной элиты (воины и жрецы), но и простые общинники, голосовавшие на собраниях⁶². Положение правителя при такой реконструкции далеко от незыблемого: он оказывается скорее первым среди знатных⁶³. Наблюдения Тёрстон должны, на наш взгляд, не только стимулировать реинтерпретацию имеющихся свидетельств, но и способствовать привлечению данных из истории других регионов. Так, для понимания политической истории Британии логично обратиться к древнеирландскому материалу, хотя ограничиваться только им непродуктивно⁶⁴.

В-третьих, в условиях ограниченности имеющихся свидетельств особое значение приобретает переосмысление теоретических подходов. Проблема единоличной власти в Британии неразрывно связана с более общим вопросом — каким был характер социополитического развития островных сообществ, на какой стадии формирования государственности они находились. Эта проблема заслуживает особенно пристального внимания, поскольку здесь, как и в случае с «царями», наблюдается разброс в терминологии (и, следовательно, в теоретических интерпретациях): на страницах публикаций можно встретить “kingdoms”, “chiefdoms” (прежде всего в описаниях Британии накануне походов Цезаря), “tribes”, “dynasties”, “civitates”, нейтральные “proto-states” и “polities”. Некоторые из этих терминов, в частности “chiefdom” и “tribe”, подверглись серьезной критике и используются все реже,

⁶¹ Thurston 2010, 207, 193–254.

⁶² Thurston 2010, 227. Как кажется, в рассуждениях Тёрстон о понятии “heterarchy” прослеживается влияние работ К. Крамли (см., в частности, Crumley 1987; 1995; 2001).

⁶³ Ср.: «Власть тех, кого мы обычно изображаем как правителей, военной элиты, заключалась во взаимосвязи между товариществом и поощрением, самоуничтожением и экспансией, и, подобно описанным Грамши, Льюксом, Бентоном и Таунсендом косвенным проявлениям власти, облекалась в идеологические формы братства, самопожертвования и судьбы. Это был опасный для жизни мир, в котором смерть в бою оказывалась удачным исходом, а тех, кто выходил за его узкие рамки, ждала гибель от рук своих же родственников и последователей» (Thurston 2010, 207).

⁶⁴ Раннесредневековая ирландская традиция активно привлекается Джоном Крайтоном (см. Creighton 2000, 20–25, 135–136, 147). Однако, как представляется, масштабы сравнительно-исторических исследований могут быть больше; весьма интересными и полезными могут оказаться работы Ф. Бирна (Bryne 1973); см. также Gibson 2008, 40–42.

другие по-прежнему входят в исследовательский лексикон⁶⁵. Однако в попытках реконцептуализации важно не впасть в крайность тоталитарной унификации, выбрав одно понятие, одну теоретическую модель, которая подходила бы в качестве ярлыка для всех изучаемых явлений и сообществ⁶⁶. Кроме того, на наш взгляд, нужно не только обратиться к новым (во всяком случае для исследований доримской Британии) идеям и понятиям наподобие “corporate state with heterarchic structure”, предложенному Тёрстон, но и внимательно посмотреть на существующие теоретические наработки.

Потребность в плюрализме концепций и подходов диктуется сложностью изучаемой проблематики. Эту сложность, в свою очередь, предопределяет особый динамизм эпохи. Необходимо помнить, что, исследуя Британию позднего железного века, мы сталкиваемся не с единым обществом, трансформация которого носит универсальный, последовательный характер, а с гетерогенными сообществами, развитие которых было альтернативным и нелинейным, менявшимся под влиянием целого ряда внешних (взаимодействие с галльскими и германскими сообществами, влияние Рима) и внутренних факторов, не до конца известных и понятных. Учет этих обстоятельств вкупе с выработкой новых подходов и привлечением информации о других обществах железного века, как нам представляется, позволит лучше понять, кем были правители доримской Британии и что собой представляла политическая история острова на рубеже эр.

Литература / References

- Barlow, J. 1998: Noble Gauls and their other in Caesar's propaganda. In: K. Welch, A. Powell (eds.), *Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments*. Swansea, 139–169.
- Baryshnikov, A.Ye. 2015: [How many Togidubni are needed to conquer Britain?]. In: *Drevnosti [Antiquities]*. Issue 13. Kharkov, 38–48.
- Барышников, А.Е. Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии? В сб.: *Древности*. Вып. 13. Харьков, 38–48.
- Braund, D. 1984: *Rome and the Friendly King: the Character of Client Kingship*. London–Canberra.
- Braund, D. 1996: *Ruling Roman Britain: Kings, Queens, Governors and Emperors from Julius Caesar to Agricola*. London–New York.
- Byrne, F.J. 1973: *Irish Kings and High Kings*. London.
- Champion, T.C. 1990: Medieval archaeology and the tyranny of historical record. In: D. Austin, L. Alcock (eds.), *From the Baltic to the Black Sea*. London.
- Champion, T.C. 2016: Britain before the Romans. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 150–178.
- Cheesman, C.E.A. 1998: Tincomarus Commi filius. *Britannia* 29, 309–315.
- Collis, J. 2007: The politics of Gaul, Britain, and Ireland in the Late Iron Age. In: C. Haselgrove, T. Moore (eds.), *The Later Iron Age in Britain and Beyond*. Oxford, 523–528.
- Creighton, J. 2000: *Coins and Power in Late Iron Age Britain*. Cambridge.
- Creighton, J. 2001: Burning Kings. *Britannia* 32, 401–404.
- Creighton, J. 2006: *Britannia. The Creation of Roman Province*. London–New York.
- Creighton, J. 2009: Herod's contemporaries in Britain and the West. In: D.M. Jacobson, N. Kokkinos (eds.), *Herod and Augustus: Papers Presented at the IJS Conference, 21st – 23rd June 2005*. Leiden, 361–382.

⁶⁵ О сложностях применения понятия “chiefdom” на материале европейского железного века см. Randsborg 2015, 41–44. Термин “tribe”, столь привычный в описаниях доримской Британии, подвергся обоснованной критике в статье Т. Мура (Moore, 2011).

⁶⁶ В этом мы солидарны с Джоном Коллисом, настаивающим на необходимости существования плюрализма подходов: Collis 2007, 524.

- Crumley, C.L. 1987: A dialectical critique of hierarchy. In: T.C. Patterson, C.W. Gailey (eds.), *Power Relations and State Formation*. Washington, 155–169.
- Crumley, C.L. 1995: Heterarchy and the analysis of complex societies. *Archaeological Papers of American Anthropological Association* 6(1), 1–5.
- Crumley, C.L. 2001: Communication, holism, and the evolution of sociopolitical complexity. In: J. Haas (ed.), *From Leaders to Rulers*. New York, 19–33.
- Crummy, P. et al. 2007: *Stanway: An Élite Burial Site at Camulodunum*. London.
- Cunliffe, B. 2012: *Britain Begins*. Oxford.
- Fitzpatrick, A. 2007: The fire, the feast and the funeral. Late Iron Age mortuary practices in south-eastern England. In: V. Kruta, G. Leman-Delérive (eds.), *Feux des morts, foyers des vivants. Les rites et symboles du feu dans les tombes de l'Âge du Fer et de l'époque romaine*. Lille.
- Foster, J. 1986: *The Lexden Tumulus: A Re-Appraisal of an Iron Age Burial from Colchsester, Essex*. Oxford.
- Fulford, M. 1993: Silchester: the early development of a civitas capital. In: S.J. Greep (ed.), *Roman Towns: the Wheeler Inheritance. A Review of 50 Years' Research*. York, 16–33.
- García Quintela, M.V. 2005: Celtic elements in Northwestern Spain in pre-Roman times. *e-Keltoi* 6, 467–569.
- Garland, N.J. 2017: *Territorial Oppida and the Transformation of Landscape and Society in South-Eastern Britain from BC300 to 100 AD*. PhD Thesis, University College London. URL: http://discovery.ucl.ac.uk/1542261/7/Garland_Nicky_PhD%20thesis_FINAL%20%28third%20party%20copyright%20material%20removed%29.pdf
- Gibson, D.B. 2008: Celtic democracy: appreciating the role played by alliances and elections in Celtic political systems. In: *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. Vol. 28. Cambridge (MA), 40–62.
- Going, A. 1990: Tacitus and the client kings. *Transactions of American Philological Association* 120, 315–331.
- Harding, D.W. 2016: *Death and Burial in Iron Age Britain*. Oxford.
- Haselgrove, C. 1987: *Iron Age Coinage in South-East England: The Archaeological Context*. Oxford.
- Haselgrove, C. 2004: Society and polity in Late Iron Age Britain. In: M. Todd (ed.), *A Companion to Roman Britain*. Oxford, 12–29.
- Haselgrove, C. 2016: *Cartimandua's Capital? The Late Iron Age Royal Site at Stanwick, North Yorkshire, Fieldwork and Analysis 1981–2011*. Oxford.
- Haselgrove, C., Moore, T. 2007: New Narratives of the Late Iron Age. In C. Haselgrove, T. Moore (eds.), *The Later Iron Age in Britain and Beyond*. Oxford, 1–15.
- Henig, M., Nash, D. 1982: Amminius and the kingdom of Verica. *Oxford Journal of Archaeology* 1 (2), 243–246.
- Hill, J.D. 2007: The dynamics of social change in later Iron Age eastern and south-eastern England. In: C. Haselgrove, T. Moore (eds.), *The Later Iron Age in Britain and Beyond*. Oxford, 16–40.
- Hill, J.D. 1995: The pre-Roman Iron Age in Britain and Ireland (ca. 800 BC to AD 100): an overview. *Journal of World Prehistory* 9 (1), 47–98.
- Hoffmann, B. 2013: *The Roman Invasion of Britain. Archaeology Versus History*. Barnsley.
- Hurst, H. 2016: The textual and archaeological evidence. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 95–116.
- Kazakevich, G.M. 2018: [Power and society of the Iron Age Celts: sources reconsidered]. *Stratum plus* 4, 17–31.
- Казакевич, Г.М. Власть и общество у древних кельтов: опыт переосмысления источников. *Stratum plus* 4, 17–31.
- Lamb, A. 2016: The rise of the individual in Late Iron Age Southern Britain and beyond. *Chronika* 6, 26–40.
- Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire, 54 B.C. – A.D. 409*. London.
- Mattingly, D. 2011: *Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire*. Princeton.
- Mays, M. 1992: Inscriptions on British Celtic coins. *Numismatic Chronicle* 152, 57–82.
- Moore, T. 2011: Detribalizing the later prehistoric past: the concepts of tribes in Iron Age and Roman studies. *Journal of Social Archaeology* 11, 334–360.
- Moore, T. 2017: Beyond Iron Age ‘towns’: examining oppida as examples of low-density urbanism. *Oxford Journal of Archaeology* 36 (3), 287–305.
- Mutschler, F.-H. 1975: *Erzählstil und Propaganda in Caesars Kommentarien*. Heidelberg.
- Nash Briggs, D. 2011: The language of inscriptions on Icenian coinage. In: J.A. Davies (ed.), *The Iron Age in Northern East Anglia: New Work in the Land of the Iceni*. Oxford, 83–102.
- Niblett, R. 1999: *The Excavation of a Ceremonial Site at Folly Lane, Verulamium*. London.
- Niblett, R. 2004: The native elite and their funerary practices from the first century BC to Nero. In: M. Todd (ed.), *A Companion to Roman Britain*. London, 30–41.

- Pitts, M. 2010: Re-thinking the southern British oppida: networks, kingdoms and material culture. *European Journal of Archaeology* 13 (1), 32–63.
- Pitts, M. 2014: Reconsidering Britain's first urban communities. *Journal of Roman Archaeology* 27, 133–173.
- Pitts, M., Perring, D. 2006: The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex. *Britannia* 37, 189–212.
- Rambaud, M. 1966: *L'art de la déformation historique dans les Commentaires de César*. 2e éd. revue et augmentée. Paris.
- Randsborg, K. 2015: *Roman Reflections. Iron Age to Viking Age in Northern Europe*. London–New York.
- Stead, I.M. 1967: A La Tène Burial III at Welwyn Garden. *Archaeologia* 101, 1–62.
- Shirokova, N.S. 2016: *Rimskaya Britaniya. Oчерки istorii i kultury* [Roman Britain. Essays of history and culture]. Saint Petersburg.
- Широкова, Н.С. *Римская Британия. Очерки истории и культуры*. СПб.
- Stewart, P.N.C. 1995: Inventing Britain: The Roman creation and adaptation of image. *Britannia* 26, 1–10.
- Talbot, J. 2017: *Made for Trade. A New View of Icenian Coinage*. Oxford.
- Thurston, T. 2002: *Landscapes of Power, Landscapes of Conflict. State Formation in the South Scandinavian Iron Age*. New York.
- Thurston, T. 2010: Bitter arrows and generous gifts: what was a 'king' in the European Iron Age? In: T.D. Price, G.M. Feinman (eds.), *Pathways to Power: New Perspectives on the Emergence of Social Inequality*. New York, 193–254.
- Van Arsdell, R.D. 1989: *Celtic Coinage of Britain*. London.
- Williams, J. 2001: Coin inscriptions and the origins of writing in pre-Roman Britain. *British Numismatic Journal* 71, 1–17.